

ВВЕДЕНИЕ

Дж. К. Бил и Д. А. Карсон

Для того чтобы стало яснее, о чем эта книга и какова ее основная цель, уместно было бы упомянуть вопросы, на которые данная книга не отвечает.

Эта книга не посвящена обсуждению современных дискуссий в области герменевтики. Многие методологические вопросы, имеющие прямое отношение к нашей теме, здесь не рассматриваются. Например, вы не найдете в этой книге систематического сравнительного анализа еврейских экзегетических методов с теми, что используют авторы Нового Завета. Дискуссию о том, предполагали ли новозаветные авторы знание контекста цитат читателем или же эти цитаты вырывались из контекста и использовались как текст-доказательство для подтверждения выводов сделанных ранее, мы обсуждать не будем. В книге также не рассматривается развитие типологии после 1939 года, когда Леонард Гоппелт (Leonhard Goppelt) написал свою книгу «Типы» (Typos). Список таких нерассмотренных вопросов можно было бы продолжить.

Мы решили оставить без внимания многие методологические вопросы, потому что о них подробно сказано в других источниках. Кроме того, мы поставили перед собой другую цель – составить книгу, авторы которой были бы хорошо осведомлены в современных дискуссиях по герменевтическим вопросам, но которые посвятили бы себя непосредственному анализу текстов, где авторы Нового Завета цитируют Ветхий Завет или ссылаются на него. Нужно заметить, что даже лучшие работы по методологии обращаются только к избранным текстам, в то время как мы проделали всесторонний обзор всех текстов, где имеет место обращение к древним текстам Священных Писаний. Даже неискушенный читатель очень быстро поймет, что в своей работе над текстами авторы используют многие современные герменевтические методы. Они сами определяли, сколько вступительного материала необходимо посвятить обсуждению методологии, однако их основная задача состояла в непосредственном анализе ветхозаветных цитат и ссылок. Нужно заметить, что на сегодняшний день продолжается дискуссия о том, что следует считать ссылкой. Следовательно, будут проанализированы только те ссылки, которые считаются наиболее вероятными.

Перед каждым автором была поставлена задача осветить в своих комментариях следующие вопросы:

1. Какой контекст цитаты или ссылки в Новом Завете? Другими словами, автор должен был определить предмет обсуждения, ход мысли и, где это важно, литературную структуру, жанр и риторичку отрывка.
2. Какой ветхозаветный контекст отрывка, из которого взята цитата или фраза? Этот вопрос требует не меньше внимания, чем первый. Иногда нужно потратить много сил только на то, чтобы показать, что какая-то короткая фраза действительно взята из этого отрывка Ветхого Завета и ниоткуда больше. Все может быть еще гораздо сложнее. Например, предположив, что Евангелие от Марка содержит мотивы исхода (что само по себе является спорным), достаточно ли обратиться к Книге Исхода, где они впервые раскрываются? Понимал ли Исайя историю исхода так же, как Марк? В таких случаях, несомненно, важно проанализировать использование ветхозаветных тем, текстов и историй в рамках самого Ветхого Завета. Чтобы понять как история о потопе (Быт. 6 – 9) используется во Втором послании Петра, необходимо посмотреть как она используется в остальных книгах Ветхого Завета. Иногда новозаветный автор ссылается на известные тексты, но истолковывает их в соответствии с герменевтическими методами более поздних книг Ветхого Завета. Если этого не учесть, то толкование новозаветного автора может показаться странным и непонятным.
3. Как ветхозаветные цитаты рассматриваются в литературе иудаизма Второго Храма или в раннем иудаизме? Есть множество причин обратить внимание на этот вопрос. Это не значит, скажем, что книга Юбилеев или 4 Ездры столь же авторитетны, как и книга Бытия или Исаии. Тем не менее, иудейские источники могут помочь нам в следующем: 1) они могут показать как тексты из Ветхого Завета рассматривались в других источниках, написанных приблизительно в то же время, что и книги Нового Завета. В некоторых случаях можно обнаружить традицию истолкования, которая отражена и у новозаветных авторов. 2) Иногда они демонстрируют несогласие иудейских комментаторов, что могло объясняться отчасти литературным жанром. Например, в литературе премудрости некоторые темы трактуются иначе, чем в апокалиптических книгах. Ход мысли автора и его аргументация помогает понять, как читались Писания. 3) В некоторых случаях толкования раннего иудаизма противостоят ранним христианским толкованиям. Чем же обусловлена разница в понимании одних и тех же текстов? Экзегетические методы? Герменевтические предпосылки? Литературные жанры? Разные оппоненты? Различные цели? 4) Даже там, где прямую литературную зависимость проследить невозможно, язык раннего иудаизма часто весьма схож с языком новозаветных авторов из-за хронологической и культурной близости. В немногих случаях книги Нового Завета демонстрируют поразительную зависимость от источников, принадлежащих раннему иудаизму (например, Иуда). Важно определить, что следует из этой зависимости?
4. Какие текстологические особенности необходимо учесть при исследовании ветхозаветных цитат в Новом Завете? Какой вариант текста использует

новозаветный автор: масоретский (MT), Септуагинту (LXX) или арамейский (Targum)? Имеет ли место составная цитата или, возможно, автор цитирует по памяти или же ссылается на какую-то форму текста, которая не дошла до нас? Важны ли незначительные изменения? Существуют ли разночтения в древнееврейском тексте, Септуагинте или греческом Новом Завете? И имеют ли эти разночтения какое-либо значение для понимания того, как авторы Нового Завета используют ветхозаветный текст?

5. После проделанного исследования нужно разобраться, как и с какой целью новозаветный автор использует Ветхий Завет. Какова функция ветхозаветной цитаты в Новом Завете? Ограничивается ли она простым повторением знакомых слов или несет с собой что-то большее?

Отец одного из редакторов имел привычку использовать короткие библейские цитаты в разных ситуациях. Он очень хорошо знал Писание, которое давало ему лингвистические образы, с помощью которых он изъяснялся. Если кто-то из его детей жаловался на погоду, он тихо говорил: «Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный». Он достаточно хорошо знал Библию, чтобы понимать, что контекст цитаты говорит не о погоде и не о нашем отношении к ней. Он помнил, что этот текст записан в одном из ключевых отрывков об отвергнутом камне, и день, о котором радуется псалмопевец, – это тот день, когда камень будет положен во главу угла (Пс. 117, 22-24). Тем не менее, этот псалом давал ему нужные слова, чтобы сказать о милосливом Божьем провидении. Он точно выражал библейскую идею, хотя она и отсутствовала в изначальном контексте слов, процитированных им. Можно ли сказать подобное об авторах Нового Завета? Использовали ли они текст таким же образом?

С другой стороны, может ли новозаветный автор использовать выражение, которое появляется во многих местах Ветхого Завета (такое как «день Господень», особенно распространенное у пророков), не думая о конкретном ветхозаветном отрывке, но указывая на богатое разнообразие обещанных благословений и обещанного суда? В таком случае, новозаветный автор оставался верен своим традициям, при этом не думая о каком-то конкретном отрывке. Например, отдельные ветхозаветные отрывки предсказывают особое посещение Бога, общий смысл которого говорит о суде и благословении, и новозаветные авторы могли использовать это общее значение, применяя его к другому случаю посещения Бога.

Иногда авторы Нового Завета видят аналогии между своими читателями и героями ветхозаветных повествований и извлекают из этих историй нравственные уроки. Как древний израильский народ был спасен из египетского рабства, но большинство не вошло в обетованную землю из-за неверия и непослушания, так и уверовавшие современники Павла и автора Послания к Евреям должны быть стойкими, чтобы спастись (1 Кор. 10, 1-13; Евр. 3, 7-19). Но когда такая аналогия переходит в категорию типологии, исходя из ряда схожих событий?

И еще, как правильно понимать, когда новозаветный автор пишет, что то или иное событие является исполнением ветхозаветного пророчества (например, «это есть предреченное пророком» в Деян. 2, 16)? Читая такие тексты, становится ясно, что категория исполнения пророчеств – необыкновенно гибкая. Через событие может быть исполнено конкретное буквальное предсказание, но иногда оно может исполняться и в другом событии или даже в ряде событий. Часто это называют типологическим исполнением. Тут же возникает следующий вопрос: на каком основании новозаветные авторы приходят к выводу, что пророчество исполнилось: на основании предшествующих событий, которые говорят о непоколебимом Божьем порядке, и поэтому следует ожидать повторения Божьих действий, или все же в некоторых случаях ветхозаветные тексты указывают на конкретные будущие события?

Используют ли новозаветные авторы те же экзегетические приемы и герменевтические предпосылки, что и их необращенные иудейские современники? Чаще всего на этот вопрос отвечают положительно, но все же остается непонятным, почему у двух групп толкователей такие разные толкования текста. Напрашивается вывод: использование одних и тех же экзегетических приемов еще ни о чем не говорит и существуют дополнительные факторы, которые необходимо тщательно исследовать, если мы хотим объяснить почему, к примеру, Гилель и Павел по-разному читают Писания.

6. Какое богословие утверждается в использовании новозаветными авторами ветхозаветных цитат? В каком-то смысле этот вопрос затрагивается в предыдущих, но его следует выделить особо, так как он весьма важен. Например, новозаветные авторы часто применяют к Иисусу отрывки из Писаний, относящиеся к Яхве (в Библии обычно переводится как «Господь»). Это обусловлено богословским убеждением, что Иисус – Бог, вследствие чего все утверждения о Боге можно отнести и к Иисусу. Однако согласно другим отрывкам Бог посылает Мессию или царя из рода Давида, которым является Иисус, что показывает различие между Богом и Иисусом. Тонкости использования этих различий наряду со сложностями новозаветной христологии закладывают основание для того, что со временем будет называться учением о Троице. Таких богословских тем много и о некоторых мы еще скажем ниже. Иногда стоит обратить внимание на то, как богословская тема в Ветхом Завете соотносится с таковой в Новом Завете без какой-либо ссылки на ветхозаветный текст.

По большей части настоящий труд посвящен этим шести вопросам. Большинство авторов отвечали на эти вопросы последовательно для каждой исследуемой цитаты или вероятной ссылки. Менее очевидные ссылки иногда рассматривались в более общих обсуждениях, хотя даже там присутствовали ответы на все эти вопросы. Кроме того, редакторы не настаивали на определенной структуре, поэтому два или три автора писали менее упорядочено, в тоже время не оставляя основные вопросы без внимания.

Напоследок стоит сказать несколько слов, которые помогут читателю получить наибольшую пользу от настоящей работы. Во-первых, следует отметить удивительное разнообразие способов, которыми разные авторы Нового Завета ссылаются на древние Писания. Матфей, к примеру, приводит прямые цитаты, часто с ясными вводными формулами. В Послании же к Колоссянам и Откровении, напротив, прямых и явных цитат почти нет, но в них содержится много ссылок. Некоторые авторы снова и снова возвращаются к определенному ряду глав из Ветхого Завета, другие же охватывают большее количество источников. К этому нужно добавить сложности, связанные с самими книгами Нового Завета, которые буквально зависимы друг от друга (например, Второе послание Петра и Послание Иуды, синоптические Евангелия, Послания к Ефессянам и Колоссянам). Авторы этого комментария решали эти задачи каждый по-своему.

Во-вторых, мы уже говорили, что новозаветные авторы с легкостью применяют к Иисусу различные тексты Ветхого Завета, относящиеся к Яхве. То же самое они делают и с другими образами. Они охотно применяют к церкви многие тексты, которые первоначально относились к Израилю. Иногда сам Иисус становится эсхатологической кульминацией Израиля, что видно из обращения к определенным текстам (например, «из Египта воззвал Я Сына Моего», Мф. 2, 15; Ос. 11, 1), а иногда из-за присутствия известных образов в жизнеописании Иисуса, что воскрешают в памяти события из жизни Израиля. Например, Иисус был искушаем в пустыне сорок дней и сорок ночей, что наряду с цитатами из Второзакония, которые использует Иисус, напоминает о сорока годах пребывания Израиля в пустыне. Этот пример рождает и другой богатый набор ассоциаций, связанных с сыновством. И не удивительно, что Иисуса считают представителем истинного Израиля, ведь то же самое можно сказать о нем и в отношении церкви.

В-третьих, одно из характерных отличий прочтения Ветхого Завета новозаветными авторами и их иудейскими современниками заключается в историческом измерении спасения. Конечно, любая типология требует некой исторической последовательности под руководством полновластного Бога, но здесь сокрыто нечто большее. Например, в Послании к Галатам Павел исправляет общепринятое представление о законе, поместив его после обетования Аврааму, которое уже показало важность оправдания верою и пообещало благословение язычникам. Таким образом, вместо того, чтобы задавать несвоевременный вопрос: «Как угодить Богу?» и отвечать: «Исполнением закона», Павел обращает внимание на поворотные моменты ветхозаветной истории и из хронологической последовательности извлекает нужные уроки. Такая зависимость от истории спасения обнаруживается и в других местах (например, Рим. 4), и не только у Павла (например, Евр. 4, 1-13; Евр. 7). Таким образом, эсхатологическое исполнение началось с приходом Христа и будет завершено в его Второе Пришествие. Есть явные параллели в иудейской литературе (особенно в Кумранских документах), которые говорят о том, что можно было бы назвать «инаугурированной», или открытой эсхатологией (несколько текстов утверждают, что Учитель Праведности дает начало последним дням), что само по себе является важным герменевтическим ключом к пониманию Писаний.

В-четвертых, основывает ли новозаветный автор свое учение на экзегезе древних текстов, или же он обращается к ним, чтобы подтвердить или оправдать то, что уже было утверждено служением, смертью и воскресением Христа? Другими словами, имеет ли значение контекст ветхозаветной цитаты, которую использует автор Нового Завета? Эта проблема гораздо сложнее, чем упомянутые выше. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что ученики Иисуса не схватывают его учение на лету, часто не понимая значения его слов, – ведь у них было свое представление о Мессии, основанное на еврейских Писаниях. Они представлены как верные ученики, и в то же время они не спешат смириться с тем, что обещанный Мессия – Страдающий Раб, Божий Агнец-Искупитель, что он будет распят, отвергнут большинством из своего народа и воскреснет, что будет засвидетельствовано Богом. Но как только ученики приняли это, они стали утверждать, что произошло то, о чем говорится в Писании. Они не говорят: «О, если бы вы только могли узнать Иисуса Христа так, как мы, тогда вы смогли бы по-другому читать Библию». Напротив, они сами доказывают на основании Писания, что в Иисусе из Назарета исполнились древние пророчества, хотя вынуждены были признать, что сами неправильно понимали библейские тексты вплоть до воскресения Иисуса. Пятидесятница и последующие откровения пришли к ним посредством Духа, результатом чего стал рост церкви и включение язычников в народ Божий. Напряжение между тем, на чем они настаивали, и тем, что им пришлось признать, существовало еще долгое время, пока опыт не заставил их задуматься о понятии «тайна» – откровении, которое находится в Писаниях, но сокрыто Богом до назначенного времени.

Иными словами, евангелие, которое иногда представлено как то, о чем было сказано в пророчествах и теперь исполнилось, в другое время представлено как то, что было сокрытым, а теперь открыто. Об этом в Новом Завете говорится не только тогда, когда используется греческое слово *mystērion*. Например, Послание к Галатам и Послания Иоанна избобилуют богословским понятием «тайны», хотя самого слово там не встречается. Очевидно, этот сложный вопрос тесно связан с использованием Ветхого Завета новозаветными авторами, которые были уверены, что эти тексты на самом деле означают. Нигде нет и намек на то, что эти авторы пытаются принизить авторитет Писаний, которые мы сейчас называем Ветхим Заветом. Через время внимательный читатель начинает спотыкаться об отдельные случаи этого сложного феномена и пытается синтезировать разные части. Хорошая иллюстрация объяснения этого феномена – простое семя. Семя яблока содержит в себе все, что органически из него вырастет. Никакое исследование невооруженным глазом не сможет определить, что из него вырастет, но как только из семени вырастает яблоня, мы можем сказать, что семя «исполнилось». Что-то похожее происходит и с ветхозаветными текстами, которые раскрываются в Новом Завете. До какой-то степени существует органическая связь, но эта связь может быть не видима как для автора, так и для читателя Ветхого Завета. Также иногда существует творческое развитие значения древнего текста, которое все еще каким-то образом прикреплено к тексту. Чтобы подробно исследовать эти вопросы, потребуется еще одна книга, в которой можно было бы собрать

все экзегетические свидетельства, содержащиеся в этом комментарии, и облечь их в библейско-богословскую форму.

В-пятых, в вопросе взаимосвязи Нового и Ветхого Заветов авторы комментариев использовали историко-грамматический и литературный методы. Прежде всего хотелось бы отметить традиционность такого подхода, а также и то, что он во многом соответствует недавним посткритическим методам, согласно которым книги Ветхого Завета читают как цельные литературные единицы, со всей серьезностью относясь к таким понятиям, как канон, Писание и история спасения (идеи, которые не являются чуждыми для авторов Нового Завета). Кроме того, нельзя забывать, что авторы Нового Завета не рассматривали Ветхий Завет так, как последние полтора столетия это делает историко-критическая ортодоксия.

Итак, без дальнейших слов и размышлений мы переходим к непосредственному изучению новозаветных цитат и ссылок на Ветхий Завет.